

история СССР
1989. 5.6.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

РУССКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО.

1906—1918 гг.

(Документы из архива Гугеровского института войны, революции и мира)

Вступительная статья и комментарии В. И. Старцева

С 1975 г., с момента публикации книги профессора Н. Н. Яковлева «1 августа 1914»¹, не утихает дискуссия о существовании и месте в общественной жизни предреволюционной России организации политического масонства. По мнению автора указанной книги, масонская организация «Верховный Совет народов России» являлась свехпартией, объединявшей все политические организации русской буржуазии. С другой стороны, академик И. И. Минц упорно настаивал на том, что масонство — выдумка царской полиции, на удочку которой попадают и сегодняшние советские историки². С Н. Н. Яковлевым согласился В. Я. Бегун, который попытался также найти связь между масонством XX в. в России и международным сионизмом³. И. И. Минца поддержал О. Ф. Соловьев⁴.

Слабым местом крайних точек зрения является незначительное число исторических источников, которые могли бы их подкрепить. То, что мы имели на сегодня, можно пересчитать по пальцам. Я лично старался в своих высказываниях о масонах соблюдать осторожность и держаться в рамках известных и поддающихся проверке любого заинтересованного исследователя документов⁵. В этой связи значительный интерес представляют исследования американских ученых Натана Смита и Барбары Нортона⁶. В их работах дается описание и тех источников, которые они имели возможность изучить, а советские историки еще не видели. Большой вклад в поиски (отчасти совместно с Н. Смитом) в интерпретацию документальных материалов по истории русского масонства начала века и особенно эмигрантского периода (1922—1970 гг.) внесла известная писательница и литературовед Н. Н. Берберова⁷. Однако, составив уникальный список свыше 660 русских масонов XX в., она очень кратко обосновала участие каждого из них в ордене. Поэтому любая фамилия из этого списка нуждается в перекрестной проверке по существующим и доступным источникам. Пока этого не сделано, «масонофаги» в современной советской историографии будут по-прежнему оспаривать как наличие самой организации в 1906—1918 гг., так и ее роль в общественной жизни страны того времени.

Автор данной публикации в ноябре 1988 г. случайно получил счастливую возможность познакомиться с той частью коллекции Б. И. Николаевского, хранящейся в Гугеровском институте войны, революции и мира, которая содержит материал о русском политическом масонстве. Б. И. Николаевский (1887—1966) заинтересовался этой темой еще в начале 20-х гг., когда представители черносотенно-монархического крыла русской эмиграции начали травлю ее социалистической и либеральной части под знаменем «разоблачения» «жидо-масонского заговора». Десятки подлинных свидетельств, опубликованных правыми, утопали в сотнях вымышленных «фактов», вроде участия в масонском заговоре В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, П. Н. Милюкова и С. Ю. Вите, а то и П. А. Столыпина. Сенсационные разоблачения обошли журнал «Двуглавый орел», десятки правых и монархических эмигрантских газет. Но более или менее объективную информацию сумел за рубежом со-

Старцев Виталий Иванович — доктор исторических наук, профессор заведующий кафедрой Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

брать только С. П. Мельгунов в своей книге «За кулисами дворцового переворота», вышедшей в 1930 г.

Однако коллекция Б. И. Николаевского свидетельствует, что именно он обладал рядом ключевых источников еще в 1925—1928 гг., но не торопился публиковать их. Возможно книга Мельгунова и холодный прием, оказанный ей либералами, помешали ему сделать это. И все же Николаевский продолжал собирать материал. В его коллекции есть подлинные масонские удостоверения ряда русских эмигрантов, состоявших в ложах шотландской системы, подчинявшихся Великой Ложе Франции, публикации по истории эмигрантского масонства во Франции и США, охватывающие и период возрождения масонства в России в начале века, и 20—40-е гг. нашего столетия.

Самое ценное в его коллекции — это тетради с записями бесед-интервью, которые он брал у со-тен бывших российских общественных деятелей — меньшевиков, эсеров, кадетов. Вот в этих-то тетрадях и содержатся первые упоминания о масонстве. Но подлинных тетрадей в коллекции в настоящее время нет. Видимо, они были проданы в 60-х гг. Б. И. Николаевским или его вдовой, А. М. Бургиной. Однако с них были сделаны машинописные копии, а потом и ксерокопии, которые фактически сохраняют весь внешний вид оригиналов (хотя качество ксерокопирования тогда еще не было таким совершенным, как сегодня). Я имел возможность видеть ксерокопии, машинописные копии и сравнить их. По принятой в архиве Гуверовского института системе каждое интервью составляет как бы самостоятельный документ, поэтому ксерокопии тетрадей разъединены и хранятся отдельно. На мой взгляд, это нарушило естественное состояние источника. Следовало хотя бы в копиях в виде воссоздать тетради как целое. Сейчас же чтобы восстановить ход поиска Николаевского, требуется целая реконструкция, на проведение которой я времени не имел. Приходится довольствоваться документами в том виде, в каком они хранятся в архиве.

Наибольший интерес представляют интервью, взятые Б. И. Николаевским в августе 1925 г. у Н. С. Чхеидзе и в августе 1928 г. у Е. П. Гегечкори и А. Я. Гальперна. Об интервью, взятых у Чхеидзе и Гальперна, стало известно еще в 1965 г. из статьи Л. Хаймсона⁸. Однако в статье лишь коротко говорилось о том, что тот и другой деятель состояли в организации русских политических масонов. Это, конечно, было по тем временам сенсацией: ведь оба они были меньшевиками, а Чхеидзе с 27 февраля по 24 сентября 1917 г. являлся председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов!

Теперь советский читатель сможет прочитать документы, которые 60 с лишним лет не были полностью известны и историкам на Западе. Ценность свидетельства Чхеидзе увеличивается еще и оттого, что он занимал в свое время пост председателя меньшевистской фракции IV Государственной думы и состоял членом ОК РСДРП. Адвокат Гальперн был не столь заметен в меньшевистской партии, зато по масонской линии сделал очень быструю карьеру. В 1917 г. он являлся одним из самых близких людей А. Ф. Керенского, который поставил его управляющим делами своего Временного правительства. Из публикуемых документов воспоминания Гальперна наиболее богаты информацией, в том числе абсолютно новой. Весьма любопытны и воспоминания члена меньшевистской фракции III Государственной думы Е. П. Гегечкори.

Все три интервью взаимосвязаны. Так, расспрашивая Гегечкори, Николаевский сообщил ему содержание рассказа Чхеидзе, а Гальперну читал запись интервью Гегечкори. Наконец, четвертый документ данной публикации — Устав ордена «Великий Восток народов России». Гальперн рассказывал, что Конвент 1912 г. постановил создать такой устав, и это поручение было дано С. Д. Мстиславскому (Масловскому). Однако уже давно известно, что устав организации был напечатан «в зашифрованном виде» в книге Евграфа Сидоренко «Италийские угольщики» (СПб., 1913). Гальперн указывает, что этот устав, как и вся книга, написан Мстиславским, но ошибочно относит ее публикацию к 1915 г. Сравнение текста устава из книги с текстом публикуемого документа показало, что масонский устав «Италийских угольщиков» — более объемный и сложный документ. С другой стороны, в нем не указаны политические цели ордена. Остается предположить, что публикуемый документ предшествовал тексту переработанного устава из книги «Италийские угольщики». Следовательно, время его создания — скорее всего вторая половина 1912 г., после первого конгресса «Великого Востока народов России», но до второго, состоявшегося в 1913 г. и утвердившего окончательный текст устава (согласно Гальперну).

Хронологически публикуемые документы охватывают период с 1909-го по 1918 г. Но содержащееся (в частности, в воспоминаниях Гальперна) сведения об истории русского масонства в 1906—1910 гг. крайне отрывочны и далеко не всегда точны. Благодаря публикациям Бориса Элькина⁹ мы сегодня знаем об этом времени больше, чем знали и Гальперн, и сам Николаевский. К этому же пери-

оду относятся и мемуары князя Д. О. Бебутова, опубликованные Н. Н. Берберовой. Соответствующие уточнения и дополнения даны нами в комментариях.

Собственно на этом можно было бы поставить точку и перейти непосредственно к документам. Однако, учитывая благосклонное отношение администрации архива Гугеровского института войны, революции и мира к данной публикации, выраженное в письме к автору от 20 января 1989 г., я хотел бы кратко сообщить сведения о русском политическом масонстве, имеющиеся в записях интервью, взятых Николаевским у других лиц. Так, 8 января 1927 г. он встретился в Берлине на квартире у Б. И. Элькина с П. Н. Милюковым и со слов последнего записал: «О масонах ничего не знал. Правда, в период IV Государственной думы к нему обращались с разговорами на тему о масонах, но, натываясь на его отрицательные отзывы, дальнейшие беседы прекращали. И он сам на эти разговоры внимания не обращал, считая их несерьезными, — только уже в 1917 г., узнав о существовании м[асонской] о[рганизации], вспомнил об этих попытках, но и до сих пор ничего серьезного о м[асонах] не знает»¹⁰. Таким образом, сведения о существовании масонского ядра во Временном правительстве, которые наделали столько шума в 1955 г., когда Б. И. Элькин опубликовал воспоминания П. Н. Милюкова, были известны еще в самом начале 1927 г. А накануне второй мировой войны Милюков признался, что первые разговоры о вступлении в масонскую организацию заводили с ним еще в период существования «Союза освобождения». Их вел В. Я. Богучарский.

Н. Д. Соколов в беседах с Б. И. Николаевским прямо свое участие в масонской организации отрицал, но во время встречи в одной из берлинских гостиниц, где он останавливался в январе 1927 г., фактически признал это и дал некоторую информацию¹¹.

Ознакомившись с рукописью М. С. Маргулиеса «Годы интервенции», представлявшей собой дневник, Николаевский восстановил некоторые зачеркнутые автором упоминания о масонах. Интересно, например, запись беседы в 1919 г. с А. Д. Марголиным — другим масоном, оставшимся в организации после того, как Маргулиеса «усыпили» за подозрение в утечке информации из-за близкого знакомства с князем Бебутовым: «Марголин за обедом сообщил вещь, разъяснившую мне очень много; после 1910 г., когда Колюбакин начал возобновлять наши заснувшие в 1909 году логи, в одну с Керенским вошел и Коновалов, и Гальпер[н] (sic!), и Некрасов. Вошел потом и Соколов, Барт, вероятно, Терещенко. Теперь понятна связь Керенского с Терещенко и Некрасовым. Намеки Коновалова с 1916 года на его близость с Керенским и Н. Д. Соколовым, а также приглашение А. Я. Гальпер[н]а (sic!) управляющим делами Совета министров Временного правительства». В записи дневника за среду, 29 апреля 1919 г., отмечается, что «Савинков, оказывается, был только в 1917 году введен в ложу Демьянова генералом Тепловым»¹².

В Париже 16 августа 1928 г. А. Н. Потресов сообщил Николаевскому, что кадет, мировой судья в Петербурге Юлий Михайлович Антоновский был масоном. Но он возмущался, что масоны «ничего не делают», постепенно разочаровывался в них и переходил к социал-демократам. Умер около 1911 г.¹³

27 августа 1928 г. в курортном местечке Капбретон Николаевский беседует с М. М. Тер-Погосяном. О себе тот сказал, что он масон «парижского призыва» (т. е. эмигрантский). Тем не менее Тер-Погосян сообщил, что знает «из вторых рук» о наличии логи до Февральской революции на Кавказе и кое-что об общерусских. Первая ложа или первый Совет, но не русского «Востока», «получили утверждение от Парижского Востока в 1908 г. или в 1909, когда в Париж приезжали Бебутов, Маргулиес и Урусов (это было продолжение их поездки в Константинополь к младотуркам)». В Тифлисскую ложу, по словам Тер-Погосяна, входили Х. А. Вермишев, князь Туманов. Припомнил Тер-Погосян и то, что Н. В. Чайковский говорил о своем «четвертьвековом масонском стаже»¹⁴.

Сбор материалов о русских масонах Николаевский продолжал и после 1928 г. Так, 10 мая 1930 г. в Берлине он взял интервью у В. Я. Гуревича, члена Трудовой группы IV Государственной думы, который сказал, что после его столкновения с Керенским на политической почве тот предложил ему вступить в «политическую организацию в масонских формах». На заседание логи его привез Коровиченко. Гуревич помнил, что был обряд посвящения и формальная клятва. Вопросы задавали исключительно политические. На заседаниях бывали член Государственной думы Виноградов, Коровиченко, Керенский, Исаев, Барт, Знаменский. «В 1917 г. ничего не слышал, — свидетельствовал Гуревич, — но в начале 1918 г. была попытка возобновить заседания. Инициатива А. А. Исаева. Присутствовал также Виноградов. Вопросы борьбы с большевиками»¹⁵.

Т. А. Бакунин 29 марта 1930 г. рассказал Николаевскому, ссылаясь на письма Арсеньева, что тот «слышал от Вересаева, что в присутствии последнего Степанов-Скворцов был принят Урусовым в масонскую ложу в Москве»¹⁶. М. С. Маргулиес тогда же поделился воспоминаниями о том, что

Совет русских лож в 1907—1909 гг. состоял из пяти человек. Председателем являлся князь С. Д. Урусов, первым его товарищем был Ф. А. Головин, бывший председатель II Государственной думы, кадет, вторым — сам Маргулиес, казначеем — Орлов-Давыдов, а секретарем — Бебутов. «С самого начала, — говорил Маргулиес, — Совет ставил задачу „обволакивания“ власти людьми, сочувствующими масонству»¹⁷.

3 сентября 1934 г. Николаевский взял интервью у адвоката В. М. Шаха. Тот сообщил ему следующее: «В 12-м году¹⁸ мой хороший знакомый Павлицкий (инженер, сочувствующий с.-р.) сообщил мне о существовании масонской организации и предложил войти. Я думал долго. Давно уже я приходил к выводу, что парт[ийная] деятельность не создает того общения между поли[тическими] деятелями, которое необходимо для координирования оппозиц[ийных] и рев[олюционных] сил. Идея масонства мне была симпатична, и я согласился. Церемония приема была минимальна: опрос на собрании, куда ввели с завязанными глазами. В ложу входили К. Черносвитов (к.-д.), Брунет (н.-с.) — позднее товарищ министра на Укр[аине], проф. Рузский, Мациевич (с-д. из Киева, в 90-х гг. сидел около 3 лет), Кармин (тов. Оберпрокурора Сената), А. Д. Марголин (прис. пов. — позднее на Украине), Павлицкий. Приема новых членов не было. Поставлена была кандидатура Басова-Верхоянца, но ее отвели ввиду крайней резкости политич[еских] взглядов Басова. Собирались 2 раза в месяц, обычно у Кармина. Содержание бесед: обмен информацией и обсуждение разных текущих вопросов»¹⁹. Весьма любопытны рассуждения В. М. Шаха. Они отвечают на вопрос, какое же влияние оказывало политическое масонство на меньшевиков и эсеров? «Никакой формальной дисциплины не существовало, — читаем мы в записи Николаевского, — было только общее желание сговориться и затем действовать в общем направлении. У меня такое желание имелось вполне искреннее и большое, и, скажу откровенно, именно оно во многом определило мои позиции в годы войны и революции. Помню особенно мои настроения в апреле 1917 г. во время борьбы на Петербургской стороне при выборах на петербургскую общегородскую меньшевистскую конференцию. От интер[националистов] тогда выступал Ерманский, я говорил от оборонцев. Ерманский занял ультрадемагогическую позицию. Когда я слушал его, я думал: эта позиция делает абсолютно невозможным сговор с.-д. с демокр[атическими] группами, стоящими от нас направо. И это соображение было для меня одним из решающих. Ложа наша собиралась до 1918 г. Помню, на посл[еднем] собрании был Черносвитов, с которым мы прощались: он уезжал в Сибирь. Директив из Центра не было, только предлагали судить тот или иной вопрос. От нас в Центр входил Черносвитов. Он руководил обсуждением»²⁰.

При обработке коллекции Николаевского архивисты обнаружили запись на отдельном листе, озаглавленную «Масоны» и не имеющую даты (мне кажется, она была сделана в начале 30-х гг.). Вот ее содержание: «[Г. Я.] Аронсон от Б. Гуревича. В начале войны в Витебск приезжал Колубакин; в честь его был устроен, как там это было принято, обед, но на последний, в отличие от приездов других либеральных знаменитостей, не были приглашены представители рабочих и демократических кругов. Уже после стало известно, что во время этого обеда К[олубакин] принял в масоны Брука и Волкова (члены I Государственной думы, к.-д.), поляков — прогрессистов Бамаса и Федоровича (когда-то имели связи с социалистами, отошли, но считали себя левее к.-д.) и Писаревского. В 1916 г. в Витебск приезжал Керенский, был тоже обед, после которого были приняты Б. Гуревич (председатель общегородской Витебской больницы кассы, в 1905 г. — бундовец, после — беспартийный, в 1914—1916 не участвовал даже в меньшевистской страховой группе) и Михаил Соломонович Цейтлин. При приеме спрашивали о согласии вступить в организацию, которая ставит задачей борьбу «за своб[оду] и братство». Церемониал посвящения с завязанными глазами, клятва тайны и готовности борьбы за свободу и братство. Деятельности ложи никакой не было. В 1917 году Волков — губернский комиссар Врем. Прав.; после июльских дней В[олков] вышел из к.-д. партии и, заявив о возможности работы на платформе циркуляров Церетели, остался на посту губернского комиссара. Писаревский — секретарь губернского комиссара, фактически вершил делами; Бамас — помощник губернского комиссара, Федорович — уездный комиссар. М. Цейтлин — с.-р., товарищ председателя Совета. Все со слов Гуревича, рассказал это А[ронсон] у в Бутырках в 1918 г.»²¹ Далее следуют отрывочные записи: «А. П. Крапоткина — как-то раз она обвиняла Некрасова в стремлении к власти. Н[екрасов] сказал ей, что его идеал — „черный папа“, которого „никто не знает“, но который „все делает“. Елшин (? — В. С.) — дневники. Летом 1914 г. в Самару приезжали Керенский и Некрасов; разговоры сначала на пароходе, затем где-то еще; наконец, посвящение в масоны на квартире кн. Вячеслава Кугушева. Маргулиес был принят в масоны в 05—06 гг., в ложе были Ковалевский Максим, Кедрин, де Роберти. Входил в 06—10 гг. в Главную ложу одним из товарищей предсе-

дателя; в последнюю степень посвящен специально приехавшим из Франции членом Великого Востока, в это время сидел в „Крестах“, посвящение шло на свидании, в присутствии начальства, которое не понимало значения манипуляций. Состав Главной ложи: председатель, 2 товарища председателя, казначей и секретарь; 1 — умер, 2 — в эмиграции и 2 — в России. Собирались в роскошном особняке, в масонских знаках. Принят был между прочим какой-то гвардейский полковник, клявшийся при посвящении на шпаге убить, если понадобится, царя (около 09—10). В провинции ложи были в Н[ижнем] Н[овгороде]. Правило — никаких письменных документов. Поэтому полиция ничего не могла узнать. Около 1911 г. распустили ложи — опасались, что полиция все же проникнет. После началась новая эра в русском масонстве — Керенский и Некрасов. Кедрин рассказывал Маргулиесу, что в 1917 г. Керенский и Некрасов исключены из масонов за свою деятельность. Аргунов. Авксентьев — масон с 12—13 гг. в Париже. Читал в одной ложе о социализации земли. Керенский. Перед войной масонская ложа особая: Великий князь Андрей Михайлович, Варвара Овчинникова, Беклемишев»²².

Вот те свидетельства, которые в дополнение к публикуемым документам сумели обнаружить архивисты Гугеровского института в коллекции Николаевского о русском политическом масонстве в начале XX в. Большинство из них относится все-таки к «думскому масонству» Некрасова и Керенского, т. е. организации, внутренней структуре и деятельности «Великого Востока народов России», но немалый интерес представляют и данные о переходной эпохе, свидетельствующие, что резкой грани между масонством, организованным М. М. Ковалевским и подчиненным непосредственно «Великому Востоку Франции», и масонством «Великого Востока народов России» (тоже подчиненным тому же «Великому Востоку Франции»!) не существовало. Ряд других материалов, имеющихся в коллекции Николаевского, описываются и частично цитируются в примечаниях.

Сокращенные общеупотребительные слова, расшифровка которых не составляла труда и не давала возможности прочесть их разными способами, дописаны без оговорок. Слова, оставшиеся нерасшифрованными, оговорены в примечаниях. Машинописные копии сверены с рукописными оригиналами (в ксерокопиях). Только в отношении интервью Н. С. Чхеидзе такую проверку сделать непосредственно на месте не удалось из-за недостатка времени. Хочу выразить благодарность архивисту Гугеровского института г-ну Якобсону, аспиранту исторического факультета Стэнфордского университета С. Ляндоесу и профессору того же факультета Т. Эммонсу за помощь и содействие в выявлении материалов, а также администрации института за положительное отношение к их публикации.

№ 1

Интервью с Николаем Семеновичем Чхеидзе²³.

Марсель, 24—26 августа 1925 г. Запись Б. И. Николаевского

Чхеидзе о масонах. Просмотрено Н. С. Чхеидзе, по указанию которого и внесены исправления и дополнения.

Как то раз, — это было в 1910 г., — ко мне подошел член Государственной думы Степанов, левый к.-д., и спросил меня, не нахожу ли я возможным вступить в организацию, которая стоит вне партий, но преследует политические задачи и ставит своей целью объединение всех прогрессивных элементов; упомянул он при этом, что для вступления необходимо принятие какой-то присяги и что это вообще связано с некоторым ритуалом. О том, что это масоны, он мне прямо не сказал. Я не был знаком с характером этой организации, равным образом я мало знал и о масонстве вообще, но почему-то — не припомню теперь, почему именно, — сразу догадался, что речь идет о масонской ложе, и тотчас выразил свое согласие. Степанов указал, куда я должен придти, адреса я теперь не помню. В назначенное время я пришел. Меня ввели в отдельную комнату, где Степанов дал мне анкетный листок с рядом вопросов, на которые я должен был ответить (Степанов об этой анкете предупредил меня заранее), и оставил меня одного. Я сел писать ответы. Насколько вспоминаю, вопросы были следующие, — приведу, что помню, вместе со своими ответами.

Как Вы относитесь к семье? — Признаю ее как ячейку, имеющую воспитательный и объединяющий характер.

Как вы относитесь к человеческому прогрессу? — Признаю, что человечество идет к тому, чтобы

стать одной семьей, к этому ведут объективные условия развития человечества, и считаю необходимым всеми силами работать над этим.

Ваш взгляд на религию?— Считаю, что нужно быть терпимым ко взглядам каждого.

Какие пути и методы международных отношений Вы признаете?— Считаю, что только пути мирного сотрудничества, что только общечеловеческая солидарность и стремление к взаимному пониманию являются основами, на которых должны складываться международные отношения.

Как Вы относитесь к войне?— Считаю, что метод решения международных споров путем войн должен быть навсегда и совершенно исключен из списка допущенных.

А если нападут на Россию?— Мы должны стремиться ликвидировать ее (войну.— В. С.) тем или иным мирным путем.

Какую форму правления Вы считаете наиболее приемлемой для России?— Республиканскую.

Других вопросов и своих ответов я не помню, но помню хорошо, что вопросов, имевших то или иное отношение к социализму и классовой борьбе, среди них не имелось; этих тем не коснулся и я в своих ответах.

Когда я написал ответы, в комнату вошел Степанов, взял их и удалился, оставив меня ждать ответа. Я знал, что в это время ответы мои были оглашены в собрании ложи. Через некоторое время вошел Степанов, туго завязал мне глаза и провел куда-то, где меня усадили. Здесь мне был задан вопрос:

Испытующий: «Знаете ли Вы, где Вы сейчас находитесь?»

Испытуемый: Я ответил: «На собрании масонской ложи».

В говорившем я тотчас узнал Некрасова, его голос мне был хорошо знаком. Вслед за тем Некрасов задал мне вопросы, повторявшие вопросы анкеты. Я отвечал в духе своих, только что написанных ответов. Затем Некрасов предложил мне встать, я встал и услышал, что встали и все присутствующие. Некрасов произнес слова клятвы: об обязанности хранить тайну всегда и при всех случаях, о братском отношении к товарищам по ложе во всех случаях жизни, даже если бы это было связано со смертельной опасностью, о верности в самых трудных условиях. Я повторял слова. Потом Некрасов задал, обращаясь ко всем присутствующим, вопрос: «Чего просит брат?» Присутствующие хором ответили: «Брат просит света!» Вслед за тем Степанов снял мне повязку с глаз и поцеловал меня, нового брата. С такими же поцелуями ко мне подошли и все остальные из присутствующих. Последними, как я теперь увидел, были, кроме Некрасова и Степанова, еще член Государственной думы Волков и присяжный поверенный А. Я. Гальперн. Относительно последнего у меня некоторые сомнения, был ли он тогда²⁴. Возможно, что был и еще кто-нибудь их тех, кого я назову дальше, как членов малой ложи, помню, что всего было человек 5—6.

Да, позабыл! Акт приема был сделан от имени «Великого Востока Франции».

Так я вступил в ложу. Заседания последней шли более или менее регулярно, 2—4 раза в месяц; собирались на квартире кого-либо из членов, никаких ритуалов на этих собраниях не соблюдалось, состав несколько менялся, — в общем руководствовались тем правилом, чтобы в ложу сходились люди, жившие недалеко друг от друга, но число присутствующих было обычно 6—8.

Совещания эти носили информационный характер, определенных докладов обычно не было. Каждый передавал новую информацию, за эту, последнюю, я особенно ценил эти собрания. Из этого, конечно, не следует делать вывода, что я не признавал пользы этой организации и в других отношениях: я ее ценил как организацию, где могут быть выяснены те или иные, общие прогрессивным элементам точки зрения на различные вопросы, такое согласование взглядов мне казалось политически весьма полезным. Наряду с такой информацией о событиях шла и взаимная информация об отношении к ним. Тут бывали и дебаты, причем обострения их всегда избегали: как только замечали, что разногласия не могут быть сглажены, что общую формулировку отношения к данному вопросу найти нельзя, то вопрос этот устранился. Но по тем вопросам, когда имелось сходство отношений, резолюций не выносили, голосований не производили: все, что придавало бы собраниям сколько-нибудь обязывающий характер, было устранено.

В таком же порядке шли обмены мнениями по всем основным вопросам, встававшим в порядок дня Государственной думы и политической жизни страны вообще. Помню разговоры о войне, о Распутине, о стачечном движении и др. Попыток перехода к активной деятельности, обсуждения и разработки каких-либо планов кампаний, не было. Даже по такому вопросу, как выборы в IV Государственную думу, не было попыток поставить вопрос о совместной деятельности, — Впрочем, тогда я входил еще только в ложу, — может быть, в Верховном Совете или других ложах вопрос и стоял.

Позднее, в период уже IV Государственной думы, — не помню точно, при каких обстоятель-

ствах, — встал вопрос о введении меня в Верховный Совет русских лож. Порядок этого введения я теперь вспоминаю не совсем ясно, по-видимому, оно было произведено в порядке кооптации меня Верховным Советом, но помню теперь, что моя ложа этот вопрос обсудила, одобрила мое введение в Верховный Совет, так что я до известной степени был ее представителем в Верховном Совете, хотя прямых выборов и не было. Я сообщал ложе о работах Верховного Совета. Никаких особых дополнительных обрядов, присяг и посвящений при переходе в Верховный Совет не было делалось.

Председателем Верховного Совета был Некрасов, казначеем Харитонов. Верховный Совет состоял, помнится, из 12—14 человек; состав его за мое время (12—16 гг.) несколько изменялся. Я помню следующих: Керенский, Некрасов, Волков (член Государственной думы), Степанов (член Государственной думы), А. И. Коновалов (член Государственной думы), некто Харитонов, близкий к прогрессистам, Н. Д. Соколов, Колубакин, Головин (председатель II Государственной думы), Григорович-Барский (из Киева). Головин был представителем Москвы, Григорович-Барский — Киева. Никаких обрядностей в заседаниях Верховного Совета, как и в ложе, не было.

В период работы в Верховном Совете узнал о принадлежности к ложам следующих лиц, кроме названных уже: члены Г. Д. Демидов, Коновалов, Ржевский, Ефремов, Орлов-Давыдов, Чхенкели, Гегечкори, Скобелев (их троих ввел я), члены I Государственной думы Лучицкий, Ледницкий (последнего я лично не встречал, но слышал, что он масон), А. И. Браудо (из Публичной библиотеки), Н. Н. Суханов, В. Я. Богучарский, Швецов, Сигов (отец), Панкратов (шлиссельбуржец), Н. В. Чайковский, поляк Венцовский (редактор «Начала» 1878 г.). Помню, были разговоры о введении в ложу Г. А. Лопатина, но результата не помню, в ложе с ним я во всяком случае не встречался. Всего в Петербурге было 3—4 ложи. По составу среди членов были представители всех левых вплоть до прогрессистов, октябристов не было ни одного. О Гучкове, как члене, не слышал и не допускаю²⁵.

Были ложи и в провинции: в Москве (из членов знаю лишь Головина, слышал, кажется, еще и имя Бурышкина), в Киеве (Григорович-Барский, проф. Иванов, прогрессист, член Государственной думы?), в Самаре (Кугушев), Саратове (?), Нижнем. На Волге вообще лож было несколько. Сам я организовал ложу в Кутансе в 1911 г.²⁶; в нее вошли, кроме нас с Гегечкори, еще Г. Ф. Зданович (по процессу 50-ти) и Петр Кипиани, старик. Общих принципов, которыми руководствовались бы при привлечении, не было; во всяком случае я их не помню. Я лично не задавался целью особенного расширения состава, — меня, как я уже сказал, интересовала больше информация, которую я получал на этих собраниях, поэтому я ограничился лишь тем, что ввел Гегечкори, Чхенкели и Скобелева, да еще привлек Кипиани, которых считал по их личным качествам подходящими и по личному же влиянию полезными для лож. Зданович был введен²⁷. Во всяком случае тот подход, которым, по Вашим словам, руководствовался в деле вербовки Керенский, — привлечение в ложи тех лиц, которые при перемене режима могут занять командные посты, — в Верховном Совете никогда при мне сформулирован не был.

Ни в ложе, ни в Верховном Совете никаких протоколов заседаний не велось — основным правилом в ложе было вообще не оставлять никаких письменных документов об организации; поэтому и те анкетные листы, о которых я упомянул выше, уничтожались немедленно по оглашении в ложе. Единственный документ, который существовал в писаном виде, — это устав организации, его давали прочесть каждому принятому члену и хранили в строгой тайне. Содержание его, даже отдельных пунктов, я сейчас не могу припомнить.

Порядок работы Верховного Совета немногим отличался от работ ложи. Та же информация, тот же обмен мнений с затушевыванием острых углов, без каких-либо резолюций, без каких-либо решений. Попыток перехода к практической деятельности — до 1915—1916 гг. — не помню; только о Распутине сообщали материалы и пытались издать брошюру, а когда это не удалось, распространяли ее в писаном виде (Пругавина, Старец Леонтий? Новоселова?). Это отсутствие активности объясняю тем, что как только мы переходили к вопросу о практических шагах, тотчас же вставали вопросы, которые нас разъединяли и во вне лож. Помню, например, в 1913—1914 гг. разговоры о стачечном движении, которые уперлись в вопрос о революции. Я считал, что революция неизбежна, что мы к ней идем и должны работать для ее ускорения. Остальные (во всяком случае большинство) подходили к этому вопросу с большой опаской, так как считали, что «стихия русской массы к добру не может привести», что, зная эту массу, нельзя увлекаться мыслью о насильственных методах борьбы (особенно хорошо помню Волкова, который твердил мне: «Вы русской массы не знаете!»).

В этих условиях общая деятельность, конечно, не была возможна, к тому же я лично всегда подчеркивал, что я член партии и фракции, связан дисциплиной и не могу и не хочу, считаю нецелесообразным и невозможным вести политическую работу вне рамок моей партии. Оговорю — та-

ких прямых заявлений я не делал, в этом не было нужды, но это был вообще как бы основной пункт наших отношений, молчаливо, но единодушно признанный с самого начала.

Расхождения заметно обострились и углубились после начала войны. Объявление последней стало меня в провинции: я был тогда в Минской губ. До момента объявления войны вопрос о ней, как что-то практически чувствуемое, как что-то близкое, не стоял. Поэтому те общие фразы, которыми я ответил на соответственные вопросы в анкете, удовлетворяли, по-видимому, всех, — и в таком же духе, помнится, я слышал и высказывания других. В июле 1914 г. вопрос встал конкретно и остро. Я вернулся в Петербург накануне известного заседания Думы. Собрания логи или Верховного Совета до выступления Хаустова не было. Через несколько дней после выступления Хаустова собрался Верховный Совет. Может быть, потому, что все уже знали о моей солидарности с декларацией Хаустова, во всяком случае общий вопрос об оценке войны поднят не был, это, очевидно, считали бесполезным. Вопрос встал в плоскости, что делать? Колюбакин заявил, что надо идти на фронт, надо принять участие в борьбе, всячески помогать ей. Колюбакин тогда же пошел на фронт и что-то через месяц был убит²⁸. Я высказывался в том смысле, что наша задача лежит в иной плоскости, что война поставит на очередь основные общеполитические проблемы, к решению которых надо готовиться самим и надо готовить других; надо центр тяжести перенести на общеполитическую работу в стране. Отношение большинства было неопределенное.

Но вскоре стали приезжать люди с театра военных действий, в Верховном Совете читали доклады о настроении армии, — главным образом члены Думы, ездившие туда в командировку. Помню, что уже первые доклады, уже через несколько месяцев после начала боевых действий, сообщали о настроениях среди солдат, об их разговорах о земле, о будущем государственном устройстве России и т. д. Было ясно, что политические проблемы становятся все более заостренно и среди членов логи, как и в Государственной думе вообще, довольно долго большинство стояло на позиции невозможности «перепрыгать коней на ходу». Только позднее, после очищения Галиции, после падения Львова и Варшавы, когда выяснилось, в какой тупик заводит страну война, и в ложах, и в Верховном Совете встал вопрос о политическом перевороте. Ставился он очень осторожно, не сразу, — переворот мыслился руководящими кругами в форме переворота сверху, в форме дворцового переворота; говорили о необходимости отречения Николая и замены его; кем именно, прямо не называли, но думаю, что имели в виду Михаила. В этот период Верховным Советом был сделан ряд шагов к подготовке общественного мнения к такому перевороту, — помню агитационные поездки Керенского и др. в провинцию, которые совершались по прямому поручению Верховного Совета, помню сборы денег на нужды такого переворота. Кто руководил сборами и какие средства были собраны, я не знаю²⁹. Вообще с финансовыми делами организации я не знаком, но знаю, что она имела свою кассу, казначей был, как я уже сказал, Харитонов, о котором ничего, кроме его фамилии, я не знаю (был он, кажется, близок к прогрессистам), были и какие-то взносы, но необязательные. Я их не делал ни разу. О планах активных действий я в Верховном Совете ничего не слышал и не знаю, были ли таковые.

Перед самым мартом 1917 г. деятельность организации еще более расширилась. По уставу отдельные логи между собой общества иметь не могли, — они сносились лишь через Верховный Совет. Но в январе и особенно феврале 1917 г. было признано необходимым в целях влияния на общественное настроение устраивать более широкие собрания, — к числу именно таких, созданных по инициативе Верховного Совета собраний относятся те, о которых рассказывает Суханов, Шляпников и др. (февраль 1917, главным образом у Соколова), на эти собрания в ряду с членами лож приглашались и посторонние, не члены.

После революции я ни в ложу, ни в Верховный Совет не ходил ни разу, — как-то сразу оборвалось: меня туда и не тянуло, и оттуда меня не звали. И была ли там какая-нибудь работа, я не знаю³⁰.

Ни партии (Орг. Комитет и Обл. Комитет), ни во фракции я о своем участии в ложе не рассказывал: я знал, что для партии мое участие вреда принести не может, а данное обязательство и моя обычная осторожность во всем, что касается других, заставляли быть особенно сдержанным.

Историей организации я мало интересовался, — знал лишь, что незадолго до моего в нее вступления в ней произошла какая-то реорганизация, передавали, что главной причиной, побудившей провести ее, было обнаружение где-то в организации человека, которого считали ненадежным. Кто это был, я не знаю³¹. Имени Бебутова — отвечаю на Ваш вопрос — я в этой связи во всяком случае не слышал, хотя и знал его: как-то раз мне Гегечкори передал, что есть такой Б. и что он хочет за чем-то со мной познакомиться. Я был у него — он говорил о своих знакомствах с Бебелем и др., о своей библиотеке, переданной им с.-д. партии и лежавшей тогда в Берлине; попутно зачем-то упомянул, что

он масон, — на меня он произвел неопределенное впечатление; помню, мы говорили после с Гегечкори и никак не могли понять, зачем Б. искал встреч с нами.

О военных в ложах я не знал ничего, — не знаю, входили ли таковые или нет³². Равным образом ничего не слышал и о сношениях с масонами³³.

Гуверовский институт войны, революции и мира. Архив. Коллекция Б. И. Николаевского. Серия 284. Ящик 719, папка 3. Машинописная копия с ксерокопии начала 60-х гг. с подлинной тетради Николаевского (тетрадь № 1, л. 97—102).

№ 2

Интервью с Евгением Петровичем Гегечкори³⁴. Брюссель, 7 августа 1928 г. Запись Б. И. Николаевского

Это было, кажется, в 1909 г. У нас, социал-демократических депутатов, сложились очень хорошие отношения со Степановым, Волковым, Некрасовым; — с группой левых к.-д. вообще. Несмотря на общую обстановку, очень неблагоприятную для левых, они не только не сторонились от нас, но даже как бы сознательно искали с нами связи. Причины этого я понял только после того, как Чхеидзе ввел меня в масонскую ложу. Первый разговор со мною на эту тему завел Чхеидзе, который после долгого колебания, что чувствовалось по всем его подходам, сообщил мне, что именно эта группа левых к.-д. предложила ему войти в ложу. Он спрашивал мое мнение и хотел, чтобы в ложу вошел и я. Я спросил, как относится к этому делу он сам? Ч [хеидзе] ответил, что он уже дал согласие. Я, зная об отрицательном отношении партии ко всякого рода внепартийным объединениям, стал тогда расспрашивать более подробно о задачах масонской организации и обстоятельствах его положительного ответа. Ч [хеидзе] мне объяснил, что эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, что она стремится к насильственному перевороту, что она представляет из себя значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентных кругах, и что с нашей стороны было бы в высшей степени нецелесообразно остаться вне подобной организации, которая в будущем сможет сыграть весьма значительную роль; наоборот, если мы в нее войдем и постараемся оказывать воздействие на эту организацию, на ее политическую линию, в целесообразном для нас, с.-д., направлении, то это может быть очень полезным с точки зрения тех задач, которые стоят перед нами, с.-д. При этом он сообщил, что он выяснял, что в организацию не входят правые элементы (правее прогрессистов), и что и для дальнейшего им было поставлено условие непринятия таких элементов и это условие руководителями организации принято. Эти соображения для меня решили вопрос, и я дал свое согласие, после чего состоялась моя встреча с Волковым и Некрасовым. Последние подтвердили все сообщенное Чхеидзе относительно революционного характера организации, что она действительно, оставаясь организацией непартийной, стремится к тем же политическим целям, которые преследуют революционные организации.

После ряда таких разговоров произошло посвящение, процедура которого в общем совпала с тем, что стоит в Вашей записи рассказа Чхеидзе. В назначенный день за мною заехал Волков и в карете повез меня в район Морской, где меня ввели в чей-то особняк, — я до сих пор не знаю, чей он был (во всяком случае не Набокова)³⁵. Там меня оставили в отдельной комнате, куда ко мне пришел Некрасов, принесяший анкетный лист. Я его заполнил. Помнится, что на вопрос, как Вы относитесь к семье, — я ответил: «Считаю ее союзом личностей, связанных общностью интересов и культурного уровня». На вопрос: «Как Вы относитесь к дружбе?» — «Считаю ее моральным обязательством, которое человек берет на себя по доброй воле и которое для него с этого момента является моральным обязательством». На вопрос об отношении к войне я, оговорив о недопустимости изменнических действий, указал, что считал бы обязательным стремиться к превращению войны в революцию. О религии, — что сам отношусь к ней отрицательно, считая ее опиумом, но в то же время рассматриваю ее как частное дело каждого.

Помню, что был еще вопрос о личной храбрости — о своей способности пожертвовать своей жизнью и интересами семьи и близких для дела, которое я считаю общественно полезным. Я ответил, что вопрос мне кажется несколько неудобным: сказать «да» было бы слишком смело, самонадеянно, сказать «нет» было бы несправедливостью по отношению к себе. Такого рода самопожертвование я счи-

таю в известных условиях, то есть если задача, во имя которой жертва приносится, соответствует той политической работе, которой я себя посвятил, необходимым, но говорить заранее о личной способности на подобный акт нельзя, это выяснится, когда дело доходит до действия.

Когда я заполнил анкету, за ней зашел Некрасов и забрал ее, потом через некоторое время он же завязал мне глаза и повел в комнату, где заседали члены ложи. Здесь мне снова задали вопросы анкеты, на которые я ответил устно в том же духе, что и письменно перед тем, после чего мне сказали слова клятвы, которые я повторил. В этой клятве было заявление об обязанности держать все, что относится до организации, в тайне от всех, даже самых близких людей и от семьи, о готовности принести в жертву интересы семьи и близких в пользу тех задач, которые преследует ложа; в этой же клятве говорилось, что если по моей вине тайна ложи разгласится и это повлечет за собою ее провал, то я признаю себя подлежащим смертной казни.

Всю эту клятву я произносил с завязанными глазами, в наиболее патетических местах клятвы, например, при заявлении о готовности пожертвовать собою, к моей груди приставляли шпагу. Во всей этой процедуре было что-то неприятно жуткое, меня при этом ни на минуту не покидала мысль, что я делаю ошибку, вступая в эту организацию тайно от партии, скрывая этот свой шаг от последней, но в то же время вся она в целом, со всею своею необычностью для революционной среды, действовала на меня несколько интригующе.

После произнесения клятвы и того стереотипного вопроса, который приведен в рассказе Чхеидзе («Что просит брат?»), мне сняли повязку с глаз и все присутствующие подошли с поцелуями. Среди них были Некрасов (председатель), Степанов, Н. Д. Соколов, Г. Ф. Зданович (помню, его присутствие меня очень удивило), Чхеидзе, постоянный сотрудник «Русских Ведомостей» Обнинский (он был казначеем ложи), некто Харитонов, старый революционер, Орлов-Давыдов.

Собрания ложи происходили регулярно каждую неделю, и я настолько увлекся этим делом, что не пропускал ни одного из них. Недоверчивое отношение, которое у меня было вначале, быстро рассеялось. Атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы, — все это действовало подкупающе. На собраниях ложи обсуждались политические вопросы, обменивались мыслями о положении дел, о действиях, намеченных партиями, или о том, что сделать следует. Ложа сама решений не принимала — она только намечала их и вносила в форме предложений в Верховный Совет (через Некрасова). Нашей с.-д. деятельности ложа не стесняла, ее решения не связывали, — скорее она нам помогала, так как члены ложи из других партий помогали нашим выступлениям, например, давая свои подписи под нашими запросами; даже в таких мелочах они нас поддерживали, как аплодисменты при выступлениях, создавая в Государственной думе атмосферу успеха для наших выступлений.

Из наиболее ярких случаев, когда ложа оказывалась полезной для наших с.-д. выступлений, мне хорошо памятен следующий: после роспуска Государственной думы в связи с Западным земством с.-д. фракция внесла срочный запрос о нарушении Столыпиным Основных Законов. Этот наш шаг вызвал недовольство буржуазной, даже левой, печати; к.-д. газеты писали, а к.-д. политики говорили, что с.-д. не справятся с задачей, что они должны уступить этот запрос к.-д., у которых имеются лучшие ораторские и политические силы (сами к.-д. с внесением запроса опоздали, — мы опередили их). Ответственную речь фракция поручила мне, и тогда Некрасов, который вообще в это время сидел рядом с нами и был по существу на нашей стороне, а не на стороне к.-д., посоветовал мне обратиться к М. М. Ковалевскому, обещая, что тот поможет в подготовке выступления. Я обратился, и Ковалевский действительно помог всем, чем только мог: он работал целый день, перевернул всю свою библиотеку, пересмотрел все западноевропейские конституции, всех государствоведов и дал мне такой отменный материал, что речь вышла блестящая, и даже к.-д. вынуждены были признать, что с.-д. фракция оказалась на высоте задачи³⁶. Когда я благодарил Ковалевского за помощь, он мне ответил: «Это ведь мой долг в отношении близкого человека». Меня этот ответ несколько удивил, — близким я к Ковалевскому никогда не был, видел его тогда чуть ли не первый раз. Это мое недоумение сказалось и в моем рассказе Некрасову о приеме, который мне был сделан Ковалевским. Некрасов ответил в тон Ковалевскому: «Иначе он (то есть Ковалевский) и не мог поступить». Из этого я понял, что М. М. Ковалевский близок к масонской организации (Примечание Б. И. Николаевского 1928 года: «НВ. Ковалевский, по рассказу Гальперна, в русское масонство не входил, но был масоном шотландского толка»³⁷).

Между прочим, М. М. Ковалевский устраивал каждую пасху³⁸ приемы, на которые собиралось человек до 40. Туда стал он звать и меня — после того, как вступил в ложу. На них бывали все члены нашей ложи, и я думаю, что на этих собраниях вообще бывали одни только масоны. Там я встречал

еще Колюбакина, Караулова, адвоката Беренштама (высокий, которого звали «Умный Б.» в отличие от другого Б.), Сидамон-Эристов.

Масонская организация была очень конспиративна, отнюдь не стремилась к большому расширению своих рамок, новых членов принимали с большим разбором, тщательно обсуждая новых кандидатов, нередко предложенные кем-либо из членов кандидатуры отвергались. В нашей, например, ложе была как-то выдвинута кандидатура Булата, но после обсуждения отклонена, так как его признали недостаточно конспиративным³⁹. Вообще рост организации иногда даже сознательно сдерживался сверху. Но при всем этом организация была очень активна и производила впечатление людей, верящих в свое дело. Мы, с.-д., большой активности не проявляли, мы вообще смотрели на себя как на элемент в известном смысле сторонний этой организации, роль наша больше созерцательная. Но главы из радикально-демократической интеллигенции вкладывали в свою работу много активности и энтузиазма. Сильно imponировало и то обстоятельство, что у организации были значительные денежные средства, позволявшие ей не останавливаться перед крупными расходами на выезды провинции и т. д.

В заседаниях ложи члены ее откровенно рассказывали о всех делах своих организаций, рассказывали о внутренней жизни с.-д. организации и мы.

Кажется, в 1913 г. я был сделан мастером. В процедуру посвящения входило произнесение речи, своего рода докторской диссертации. Я выбрал тему «О роли масонства в революционной борьбе» и говорил о том, как масонская организация может способствовать революции. После произнесения этой речи я удалился. В мое отсутствие была проверена моя работа, было констатировано, что я удачно прошел испытание и признан достойным. Звание мастера давало право приема других в ложу. Посвящение мое было проведено потому, что я уезжал из Петербурга и должен был действовать в провинции. Помню, в 1915 или 1916 г., уже во время войны, в Кутаис приезжал представитель Верховного Совета Урусов и с помощью местных братьев — Здановича, Чхеидзе и моей⁴⁰, — создал Кавказскую ложу; в нее были введены:

1. Ким Абашидзе, социал-демократ, друг Здановича, Кутаис.
2. Ясон Бахрадзе, юрист, общественный деятель, социал-демократ, Кутаис.
3. Петр Кипиани, социал-демократ, Кутаис (все трое из круга Здановича).
4. Доктор Александр Диоголидзе (брат берлинского), социал-демократ, Тифлис.

Функционировала ли эта ложа и что делала, я не знаю, но приняты эти лица в члены были в моем присутствии. Я в работе ложи дальше не присутствовал, она была оставлена собственным силам.

В 1917 г. ложи в Петербурге продолжали работать. Чхеидзе мне в марте писал: «Братья наши проявляют большую активность». Некрасов с Чхеидзе переговоры вел как брат с братом. Мне передавали, что в марте Милюков был противником введения в правительство Керенского и Терещенко и, когда их все же ввели, говорил о «какой-то неведомой силе, которая желает повлиять на правительство». Но я, когда узнал список членов Временного правительства, сразу понял, откуда явились некоторые, раньше мало известные имена.

Гуверовский институт войны, революции и мира. Архив. Коллекция Б. И. Николаевского. Серия № 284. Ящик 719, папка 5. Ксерокопия начала 60-х гг. с подлинной тетради Николаевского, л. 36—40.

№ 3

Устав масонской организации «Великий Восток народов России». Вторая половина 1912 г.⁴¹

1. Задачи и цели Ордена

Создание связанного моральной общностью и взаимным доверием братского ордена; братья сохраняют свободу политического действия, но стремятся к утверждению и защите прав человека и гражданина⁴².

Обязанности братьев изложены в формуле обещания, даваемого при посвящении.

2. Состав Ордена

Орден состоит из братьев и сестер, посвященных одной из лож, или делегацией Верховного Совета.

3. Орденские степени

Орден имеет две степени: ученика и мастера ⁴³.

Братья посвящаются первоначально в степень ученика. Братья, доказавшие на деле свою преданность ордену, усвоившие его традиции и проникшиеся его духом, могут быть впоследствии посвящены в степень мастера.

4. Посвящение

А. Посвящение в степень ученика.

а. Кандидат предлагается в ложе одним из братьев.

б. По обсуждении кандидатуры и с согласия всех братьев, открыто подающих свои голоса, может быть постановлено о поручении одному из братьев выяснить, желает ли кандидат вступить в орден. При исполнении этого поручения брат не должен открывать кандидату орденской тайны и не называть ни ордена, ни членов ложи, не должен он и признавать существования братства.

в. О результатах опроса брат сообщает ложе, которая может по единогласному решению избрать двух анкетеров для более подробного опроса кандидата и подготовки его к посвящению. Анкетеры также обязаны не раскрывать орденской тайны. При выборе анкетеров один из них должен быть возможно близок к кандидату.

г. По заслушании и обсуждении доклада анкетеров ложа может или постановить о прекращении анкеты, или о продлении ее или единогласно признать желательным посвящение кандидата и назначить день его испытания.

д. Испытание производится во время заседания ложи. Оно не должно быть прерываемо. Испытуемый не должен общаться с непосвященными во все время обряда испытания.

Доставив испытуемого в назначенное место и вне ложи, анкетеры предлагают ему письменно ответить на следующие вопросы:

Каковы Ваши требования к самому себе,
женщине (мужчине) и
отечеству, семье,
человечеству.

Каков Ваш гражданский символ веры.

Затем анкетеры удаляются и возвращаются по зову испытуемого.

Если испытуемый изготовил письменные ответы на поставленные ему вопросы, анкетеры, взяв документ и оставив испытуемого, передают документ в ложу, немедленно по оглашении сжигают документ. Затем братья могут единогласно постановить о переходе к изустному испытанию в ложе.

По принятии этого постановления анкетеры возвращаются к испытуемому, завязывают ему глаза и приводят в темное помещение ложи. Братья задают испытуемому вопросы, какие найдут нужными. По окончании опроса анкетеры уводят испытуемого обратно в помещение вне ложи. Братья снова обсуждают вопрос о том, достоин ли испытуемый посвящения и постановляют прекратить обряд или продолжить испытание или приступить к самому посвящению. Постановление о посвящении требует единогласного решения ложи.

е. По принятии этого последнего постановления анкетеры снова вводят испытуемого в темное помещение ложи с завязанными глазами. Венераль объясняет испытуемому цели ордена и обязанности брата и затем спрашивает испытуемого, все ли желает он быть посвященным в братья ордена.

ж. В случае положительного ответа венераль предлагает испытуемому поднять правую руку и повторить слова орденского обета:

«Обещаю любить братьев моих масонов. Защищать их в опасности, хотя бы жизни моей грозила смерть.

Обещаю хранить орденскую тайну. Не раскрывать существования братства, хотя бы я был спрошен об этом на суде, не раскрывать ничего, что я узнаю как брат.

Обещаю исполнять постановления ложи и высших масонских властей».

з. После произнесения формулы обещания венераль берет посвящаемого за руку и спрашивает анкетеров: «Чего хочет испытуемый?»

Анкетеры: «Света».

Венераль: «Дайте испытуемому света».

Помещение ложи освещается, с испытуемого снимается повязка.

Венераль: «Именем Великого Востока Народов России посвящаю Вас в братья ложи...⁴⁴ в степени ученика».

Затем братья дают новому брату поцелуй.

и. Посвящение может быть также совершаемо делегацией Верховного Совета в составе не менее трех мастеров.

Б. Посвящение в степень мастера.

Посвящение в степень мастера производится либо ложей в степени мастера по единогласному решению братьев ложи, либо делегацией из трех мастеров по постановлению Верховного Совета.

Посвящение не сопровождается новым испытанием. Венераль указывает посвящаемому на его обязанность с еще большей строгостью выполнять долг масона и затем произносит формулу посвящения: «Именем Великого Востока народов России посвящаю Вас в степень мастера». Венерали, ораторы, делегаты на Конвент, избиратели Верховного Совета и его члены могут избираться лишь из числа мастеров.

5. Ложи и их офицеры

а. Основной орденой организацией является ложа.

б. Ложа состоит из 7—14 братьев.

в. Ложа, в которой присутствуют ученики, работает в степени ученика; ложа, в которой все братья мастера, работает в степени мастера.

г. Верховный Совет может создавать ложи особого назначения, объединяя в них братьев, принадлежащих к различным ложам.

д. Каждая ложа избирает сроком на один год следующих офицеров:

Венераль

1-го Наблюдателя

из мастеров

2-го Наблюдателя

Оратора

Казначей

Секретаря

из мастеров или учеников

Должности наблюдателей могут и не замещаться.

Обязанности секретаря и казначея могут быть совмещаемы.

Венераль руководит работами ложи. Через него ложа сносится с секретарем Верховного Совета.

Наблюдатели замещают венераль.

Оратор разрешает возникающие при работах ложи вопросы устава.

Решения его принимаются в заседании как окончательные, но правильность их может быть оспорена в ближайшем заседании и решение отвергнуто на будущее время.

Секретарь — хранитель истории ложи. Никаких записей секретарь не ведет и по памяти восстанавливает отдельные события из жизни и деятельности ложи.

Казначей производит установленные ложей сборы и хранит средства ложи.

е. Ложа, состав которой превысит 13 братьев, может выделить из своего состава 7 братьев, образующих новую ложу.

ж. В местности, где лож нет, но где имеется не менее 7 братьев, по постановлению Верховного Совета может быть инсталлирована новая ложа делегацией в составе трех мастеров.

з. Каждая вновь образуемая ложа избирает себе особое наименование и избирает должностных лиц.

6. Работы ложи

а. Работы ложи открываются венералем или наблюдателем по прибытии в назначенное время 7 братьев:

Венераль: «Все ли присутствующие масоны?»

Наблюдатель (или секретарь): «Все присутствующие — масоны».

Венераль: «Заперты ли двери?»

Наблюдатель (или секретарь): «Двери заперты».

Братья, которым до конца работ предстоит удалиться, предупреждают об этом венераль.

Первым разрешается вопрос о времени и месте следующего собрания.

Затем принимается порядок дня.

Братья просят слова, единожды ударяя в ладоши.

Во время работы братья не курят.

По исчерпанию повестки венераль обращается к наблюдателю (если в ложе нет наблюдателей, то к секретарю); «В котором часу братья кончают свои работы?»

— В полночь.

Который час?

— Полночь!

Затем ложа кончает свои работы.

7. Орденская тайна

Братья обязаны хранить в тайне как самое существование ордена, так и все, что касается его состава, планов и деятельности.

б. Братья обязаны хранить в тайне все сообщенное им в братском порядке или ставшее известным в заседаниях ложи.

в. Братья знают лишь членов своей ложи.

г. Венерабль знает секретаря Верховного Совета.

д. Все, относящееся к орденской тайне, не должно быть излагаемо на письме.

е. Письменные ответы испытуемого и баллотировочные записки немедленно сжигаются в самой ложе.

8. Усыпление

а. Орденское звание сохраняется братьями пожизненно.

б. Каждый брат вправе «уснуть», сообщив о своем решении своей ложе.

в. «Уснувший» брат, пожелавший вернуться к участию в работах братства, может быть принят по единогласному решению одной из лож. Принятию решения предшествует анкета, какую найдет нужным провести ложа.

г. Ложа может «усыпить» нарушившего обязанности ордена брата.

д. Верховный Совет может «усыпить» ложу, нарушившую орденские обязанности. Верховный Совет может «усыпить» и отдельных братьев.

е. «Уснувшие» и «усыпленные» братья с момента «усыпления» освобождаются от исполнения орденских обязанностей. Но они остаются связанными обетом хранения орденской тайны.

9. Конвент

а. Не реже раза в год Верховный Совет созывает конвент ордена.

б. На конвент каждая ложа посылает 1—2 представителей, избранных ложей из числа ее братьев-мастеров.

в. Конвент является высшим законодательным органом ордена. Он устанавливает основные положения работ ордена на предстоящий год.

г. Конвент избирает выборщиков в Верховный Совет.

д. В состав конвента входят помимо представителей лож члены и секретарь выбывающего состава Верховного Совета.

10. Верховный Совет

Верховным руководителем орденских работ, хранителем орденских традиций, высшим судьей в ордене и исполнителем решений конвента является Верховный Совет, избираемый на срок до ближайшего годового конвента и состоящий из 6—18 членов, включая секретаря.

б. Порядок избрания Совета таков:

большинством 7/8 голосов конвент избирает трех выборщиков. Секретарь Верховного Совета последнего состава подсчитывает голоса и, не оглашая результатов голосований, сообщает выборщикам о состоявшемся избрании.

Выборщики избирают затем трех членов Верховного Совета и по избрании таковых слагают с себя полномочия.

Избранные три члена Верховного Совета немедленно доизбирают еще трех членов Верховного Совета.

В последующем Верховный Совет может доизбирать членов, но с тем, чтобы общее их число не превышало 18.

По избрании первых 6 членов Верховный Совет открывает свои работы и избирает секретаря. Имена членов Верховного Совета конвенту не сообщаются.

в. Верховный Совет работает в порядке ложи.

г. С ложами Верховный Совет сносится через секретаря и венераблей.

д. Часть средств ложи, определяемая конвентом, поступает в распоряжение Верховного Совета.

Гуверовский институт войны, революции и мира. Архив. Коллекция Б. И. Николаевского. Серия № 284. Ящик 720, папка 11. Подлинник машинописный.

Примечания

- ¹ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1974.
- ² См., напр.: Минц И. И. Оружие не менее острое. — Огонек, 1988, № 1.
- ³ Бегун В. Я. Рассказы о детях вдовы. Минск, 1983; изд. 2. Минск, 1987.
- ⁴ Соловьев О. Ф. Масонство в России. — Вопросы истории, 1988, № 10.
- ⁵ Старцев В. И. Революция и власть. М., 1979; его же. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.
- ⁶ Norton B. T. Russians Political Masonry, 1917, and Historians. — Russian History, 11, № 1 (Spring 1984), P. 83—100; Smith N. Political Freemasonry in Russia, 1906—1918: A Discussion of the Sources. — The Russian Review, vol. 44, 1985, p. 157—171; Smith N., Norton B. T. The Constitution of Russian Political Freemasonry (1912). — Handbuch für Geschichte des Osten Europas. Wiesbaden, 1986. Bd. 34, H. 4, p. 498—517.
- ⁷ Берберова Н. Н. Люди и ложь. Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986. Некоторые сведения о масонах имеются и в автобиографии писательницы (первое издание — 1969 г.) — см. Берберова Н. Н. Курсив мой. — Октябрь, 1988, № 10—12.
- ⁸ Haimson L. Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part Two). — Slavik Review, vol. XXIV, № 1, March 1965, p. 1—22.
- ⁹ Elkin B. Attempts to Review Freemasonry in Russia. — The Slavonic and East European Review, vol. XLIV, № 103, London, July, 1966, p. 454—472.
- ¹⁰ Архив Гугеровского института войны, революции и мира (АГИВРИМ), коллекция Б. И. Николаевского. Серия 284, ящик 719, папка 7.
- ¹¹ Там же, папка 8.
- ¹² Там же, папка 12.
- ¹³ Там же, папка 9.
- ¹⁴ Там же, папка 5.
- ¹⁵ Там же, папка 9.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ У Берберовой временем вступления Шаха в организацию указан 1913 г. (Берберова Н. Н. Люди и ложь, с. 163).
- ¹⁹ АГИВРИМ, кол. Николаевского. Серия 284, ящик 719, папка 9.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926), меньшевик, член III и IV Государственной думы, председатель социал-демократической фракции (меньшевицкой), член Организационного комитета РСДРП в годы первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. В ночь на 28 февраля 1917 г. был избран Председателем Петроградского Совета рабочих депутатов, а в конце июня — Председателем ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов первого созыва. В момент Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде находился в отпуске в Грузии. Умер в эмиграции (подозревалося самоубийство).
- ²⁴ В интервью, данном Николаевскому, Гальперн утверждал, что был принят в ложу в 1911 г. Но в указателе Н. Н. Берберовой со ссылкой на переписку масонов, хранящуюся в Гугеровском архиве, и Парижский архив русских масонов, указывается, что он член «масонской миссии» для контактов с заграницей, учрежденной после открытия первых лож в 1906—1908 гг. (Берберова Н. Н. Люди и ложь, с. 119).
- ²⁵ Н. Н. Берберова много лет специально изучала вопрос о принадлежности А. И. Гучкова к русскому масонству. Она полагает, что Гучков вступил в русское политическое масонство еще до 1914 г., но в 1920 г. был исключен из него навсегда, «радирирован», за инициативу переговоров с германским правительством о совместном походе против Советской России. Все масоны обязаны были отрицать любую форму участия радирированного лица в масонской деятельности. (Берберова Н. Н. Люди и ложь, с. 123, 198—207).
- ²⁶ Е. П. Гегечкори утверждал в интервью Николаевскому, что данная ложа была организована только во время войны.
- ²⁷ Пропуск в тексте из-за нерасшифровки слова в рукописи.
- ²⁸ А. М. Колубакин был убит в начале 1915 г.
- ²⁹ Эти сведения Чхеидзе очень важны, так как свидетельствуют о прямом участии «Великого Востока народов России» в планах военного переворота. Сообщение о сборе денег для подготовки переворота — вообще первое упоминание в известных источниках по этому поводу.
- ³⁰ Данное утверждение Чхеидзе оспаривается как Гегечкори, так и Гальперном. Масонская мораль, как это видно из публикуемого устава, разрешала оберегать тайну своей организации прибегая к любой лжи или умолчанию.
- ³¹ Речь идет о М. С. Маргулиесе. О нем и о Д. О. Бебутове подробнее см. в интервью А. Я. Гальперна.
- ³² Это утверждение Чхеидзе также выглядит сомнительным. Как член Верховного Совета в годы первой мировой войны он не мог не знать об организации и деятельности Военной ложи.
- ³³ Далее на ксерокопии инициал похож на «Р», который невозможно точно разобрать из-за повреждения тетради в данном месте, случившегося до ксерокопирования. Если это «Р», то речь идет о генерале Н. В. Ружском.

³⁴ Гегечкори Евгений Петрович (1881—1954), меньшевик, член III Государственной думы, ее социал-демократической фракции. Премьер-министр меньшевистского правительства Грузии в 1918—1921 гг., затем эмигрант.

³⁵ В. Д. Набоков построил в Петербурге на Морской ул., за Германским и Итальянским посольствами роскошный особняк в стиле модерн, служивший темой пересудов в столице.

³⁶ Факт, приводимый Е. П. Гегечкори, в исторической литературе неизвестен. Он характерен для иллюстрации методов, с помощью которых буржуазное руководство русского политического масонства хотело «приручить» представителей нелегальных социалистических партий.

³⁷ Данное утверждение Гальперна не соответствует действительности. Как явствует из факсимильной публикации документов Великого Востока Франции, осуществленной в 1966 г. Б. Элькиным (см. примечание 9), именно М. М. Ковалевский явился возродителем русского масонства в 1906—1907 гг. Сам он вступил в конце 70-х гг. в Париже в одну из лож, подчиненную Верховному совету шотландского обряда старого и признанного Францией. В рамках этой же системы в 1887 г. совместно с Н. Н. Яблочковым учредил в Париже ложу № 288 «Космос» специально для приема во французское масонство русских, приезжавших в Париж. В 1905—1906 гг. в ложу Верховного Совета шотландского обряда, Великого Востока Франции и Великой ложи Франции были приняты около 20 русских либералов и интеллигентов. Они же составили и первые кадры русских лож, открытых в конце 1906—1908 г. в Москве, Петербурге и других городах. Таким образом, именно М. М. Ковалевский основал русское масонство в XX в. и при его непосредственном участии около 40 видных русских буржуазных либералов и народников уже в 1906—1908 гг. были приняты в масоны. Это масонство с первых шагов своей деятельности также носило политический характер, хотя ритуалам там придавалось несколько большее значение, чем в «Великом Востоке народов России». Фамилии этих первых русских масонов можно найти либо в публикации Б. Элькина, о которой шла речь выше, либо в материалах сборника «За кулисами видимой власти» (М., 1984). И Чхеидзе, и Гегечкори, и Гальперн были приняты именно в это, уже русское, но еще несамостоятельное, подчинявшееся Верховному Совету Великого Востока Франции масонство, основанное М. М. Ковалевским.

Рассказ Гегечкори показывает, что между Н. В. Некрасовым и М. М. Ковалевским даже в марте 1911 г. существовали вполне теплые братские масонские отношения. Вместе с тем нуждается в дальнейшем исследовании вопрос о том, в каких отношениях находились все члены лож, принятые в масонство Ковалевским, с «Великим Востоком народов России».

³⁸ Далее одно слово неразборчиво, по смыслу — «званные».

³⁹ Трудовик А. Булат значится в масонских списках, опубликованных Б. Элькиным, принятым.

⁴⁰ Согласно публикуемому ниже Уставу «Великого Востока народов России», посвящение в масоны могло быть произведено в местности, где лож еще не было, делегацией из трех мастеров. В данном случае — это С. Д. Урусов, Н. С. Чхеидзе и сам Е. П. Гегечкори.

⁴¹ Датируется по содержанию интервью А. Я. Гальперна, публикуемому в следующем номере журнала.

⁴² При перепечатке расширенной редакции Устава в кн. «Италийские угольщики» эта статья с формулировкой целей организации была опущена. Вообще же в данной публикации из-за недостатка места мы опускаем сравнительный анализ двух редакций Устава.

⁴³ В Уставе из «Италийских угольщиков» значились три степени: ученика, подмастерья и мастера, что соответствует масонской традиции.

⁴⁴ Пропуск в подлиннике для названия ложи.

(Продолжение следует)

